ПАСТЕРНАК В МАРБУРГЕ

Т. Б. Длугач

Копию этой рукописи я получила в Марбурге от научного сотрудника Института славянской филологии Марбургского университета Сергея Дорцвейлера, занимающегося творчеством Бориса Пастернака. Позже оказалось, что рукопись хранится в архиве поэта у его сына Евгения Борисовича, который любезно разрешил нам ее публикацию.

По времени рукопись относится к тому счастливому для Пастернака юношескому периоду его жизни, когда в 1912 г. в Марбурге он изучал философию Лейбница и Канта у Н. Гартмана и главы Марбургской школы Г. Когена. Поездке 22-летнего Бориса Пастернака в Марбург предшествовали его увлеченные занятия на философском отделении историко-филологического факультета Московского университета. Здесь он избрал темой своей кандидатской диссертации философию Лейбница. Анализ открытого Лейбницем дифференциального исчисления приблизил молодого студента к необходимости исследовать понятие дифференциала, а отсюда был уже один шаг до бесконечно малой величины Германа Когена как Ursprung'а, первоначала, первоисточника бытия и мышления.

Решив продолжить обучение у Когена, Борис Пастернак приезжает в Марбург и сразу же влюбляется в старину и исконное средневековье этого города, «подлинность которого была свежа и страшна, как всякий оригинал»[1]. Старинным волшебством и вместе с тем глубоким философским духом была пропитана сама атмосфера этого университетского города, по булыжным мостовым которого ступали Х. Вольф, Г. Коген, а также Джордано Бруно.

Чем же влекла к себе Пастернака Марбургская школа в философии? Достаточно подробный ответ на этот вопрос он дает в «Охранной грамоте». Первая привлекательная особенность этой школы состояла в том, что она «не разделяла мнимой рутины всевозможных „измов", всегда цеплявшихся за свое респектабельное всезнайство из десятых рук»; марбуржцы обращались к первоисточникам, т. е. «подлинным распискам мысли, оставленным ею в истории науки». Марбургскую школу интересовало, «как думает наука в ее 25-вековом непрекращающемся авторстве у горячих начал и истоков мировых открытий»[2].

Вторая особенность состояла в разборчивом отношении к историческому наследству: историю, писал Б. Пастернак, в Марбурге знали в совершенстве и не уставали тащить сокровище за сокровищем из архивов итальянского Возрождения, французского и шотландского рационализма и других плохо изученных школ; иными словами, «на историю в Марбурге смотрели в оба гегельянских глаза, т. е. гениально обобщенно и в то же время в точных границах здравого правдоподобья»[3].

В Марбурге Пастернак продолжал заниматься философией Лейбница под руководством Н. Гартмана и изучал также «Критику практического разума» у самого Когена, которого он сильно побаивался. Рефераты по этим темам были написаны, доклады успешно прочитаны, и если бы не внезапно прорвавшее плотину поставленных самим Пастернаком запретов непреодолимое поэтическое чувство, может быть, юноша еще на некоторое время задержался бы в лоне философии.

Лейбницевская философия заинтересовала Пастернака прежде всего содержащимся в ней динамическим принципом силы, развивающейся от неживого к живому и порождающей, далее, все богатство впечатлений, восприятий и апперцепций. Спор с Ньютоном о живой силе, выключенный в контекст фундаментального обоснования монадологии, заставил Лейбница глубоко продумать проблему соотношения физического и психического. Какова «дистанция» между ними? Как быть в этом случае с непрерывностью? Эти вопросы не могли не заинтересовать поэтическую натуру.

Выяснение соотношения непрерывного — прерывного потребовалось Лейбницу для объяснения как психических явлений — когда в мире монад осуществляется переход от бессознательного к перцепциям и, наконец, к апперцепциям, так и явлений физических: «Существует бесконечное число ступеней, — писал Лейбниц, — между каким угодно движением и полным покоем, между твердостью и совершенно жидким состоянием, которое не представляет никакого сопротивления, между Богом и ничто. Точно так же существует бесконечное число ступеней между каким угодно побудителем и чисто страдательным началом»[4]. В то же время «расстояние» между самыми «близкими» по качеству вещами (а также между различными степенями одного качества) составляет нечто вроде dx, которое никогда не равно 0. С этих позиций Лейбниц решает проблему возникновения, движения, развития.

Когеновское понимание этой проблемы было несколько иным, и, находясь в Марбурге, Пастернак попадает под обаяние как его философского ума, так и его неординарной личности.

В «гениальном Когене» Пастернака пленял серьезный, «причинный» ум, т. е. ум, доходящий до самых глубинных оснований. «Этот университетский профессор в широком сюртуке и мягкой шляпе был в известном градусе налит драгоценной эссенцией, укупоривавшейся в старину по головам Галилеев, Ньютонов, Лейбницев и Паскалей»[5]. В своей критике кантовских «Критик» Герман Коген исходил прежде всего из глубокого убеждения в полной автономии человеческого разума, из чего следовало, что и содержание знания не может быть дано ему извне: разум, мышление само должно сформировать собственное содержание. По сути дела это вопрос не только о содержании мышления, но и о самом мышлении: спросить, как образуется содержание мышления, это значит спросить о том, как возникает мышление.

По-видимому, речь здесь должна идти о «начале» мышления, о том, из чего мышление рождается, но что тем не менее является

принципиально иным по отношению к нему. Так для Когена проясняется понятие первоначала, первоисточника мышления, его Ursprung'a.

Опуская многие важные подробности когеновской системы, я хотела бы отметить, что проблема первоначала самым тесным образом была связана с понятием бесконечно малой величины и принципами непрерывности и прерывности. В бесконечно малой величине глава Марбургской школы видел приобретение не только новейшей математики, но и новейшей философии. Объяснение связано с анализом закономерностей процесса познания: дело в том, что процесс познания любого предмета бесконечен, поскольку между идеальным и реальным предметами всегда существует некоторый «зазор», ибо понятие не совпадает с объектом. Познание означает известное их отождествление, но познание предполагает и их принципиальное несовпадение.

Предшественники Когена по-разному отвечали на этот вопрос: Кант пришел к выводу об абсолютном различии «вещей в себе» и явлений, Гегель, напротив, стремился абсолютно отождествить материальное и идеальное. Коген также бьется над этой труднейшей для философии Нового времени проблемой, прибегая к помощи как раз бесконечно малой величины, поскольку она, по его мнению, воплощает в себе данное противоречие. С одной стороны, бесконечно малая величина — это потенциальная бесконечность, олицетворяющая собой бесконечный процесс приближения к пределу, и потому также — непрерывность. С другой стороны, бесконечно малая величина оказывается актуальной бесконечностью, завершенной непрерывностью, поскольку предел достигается, и ускользающее значение приравнивается к определенной конечной величине. Поэтому, согласно Когену, бесконечно малая величина и служит моделью первоначала мышления, и не только мышления, но и его содержания, т. е. бытия (хотя и бытия для мышления, а не бытия самого по себе, как полагал Кант).

Таким образом, в бесконечно малой величине отчетливо видно то, из чего возникает нечто во всем его тождестве с ничто и в то же время в отличие от него.

Учась в Марбурге, Пастернак заражается идеями Когена, в чем можно убедиться, прочитав его реферат: он посвящен выяснению содержания не только лейбницевских понятий перцепции, апперцепции, динамического принципа и т. д., но и когеновских фундаментальных категорий — первоначала, содержания мышления, чистоты. Видно, как юноша пытается отыскать выход из лабиринта категориального здания великого Мастера, нащупать стержень философских размышлений своего учителя и, судя по тому, что Г. Коген предложил Пастернаку защищать диссертацию в Марбурге и вернуться туда после краткой командировки в Москву для сдачи государственных экзаменов, он остался в общем доволен успехами своего ученика.

Но Пастернак — хотя по приезде в Россию он защитил в 1913 г. в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Теоретическая

философия Германа Когена» — уже окончательно понял, что его жизненный путь должен быть иным, нежели путь строгого и отвлеченного философского умозрения; его мир — это мир поэзии.

Предлагая читателю рукопись «раннего» Пастернака, я хотела бы заметить, что в отличие от поэтических, философские конспекты Бориса Пастернака еще не разобраны. Их изучением сейчас занимаются на Западе преимущественно филологи (Э. Фрейбергер из Филадельфии, Л. С. Флейшман из Стэнфорда, С. Дорцвейлер из Марбурга), но работа здесь предстоит еще большая. В нее должны включиться и мы, советские философы.

Данная публикация — одна из первых; рукопись представляет собой часть большого философского реферата; продолжение будет, вероятно, предпринято в последующих выпусках «Историко-философского ежегодника». В рукописи мы попытались сохранить в большинстве случаев оригинальную пунктуацию автора. Публикацию подготовили С. Дорцвейлер (Марбург) и Т. Б. Длугач (Москва). Перевод с немецкого М. Ф. Быковой и Т. Б. Длугач.

Мы благодарим Е. Б. Пастернака за некоторые важные биографические разъяснения.

[1] *Пастернак Б. Л.* Охранная грамота. Шопен. М., 1989. С. 21.
[2] Там же. С. 23.
[3] Там же.
[4] *Лейбниц В. Г.* Избранные философские сочинения. М., 1908. С. 237.
[5] *Пастернак Б. Л.* Указ. соч. С. 45.

ИЗ НАСЛЕДИЯ «РАННЕГО» ПАСТЕРНАКА

[α]* Лишь вопрос о первоначале оправдывает понятие закона мышления как проблему. Для всей мыслительной сферы правомерна единственная постановка вопроса, которая позволяет понять логическую деятельность как закономерную и постоянную функцию и установить понятие закона мышления — это вопрос о первоначале чистого содержания. Это трансцендентальный вопрос, и соответственно ему трансцендентальная логика оказывается динамикой содержания, или функциональной теорией проблем и задач. Непрерывности, которая, начиная с нулевого пункта, гарантирует постоянство значений в форономии, т. е. в динамике бытия, соответствует в динамике мышления метод диалектики с присущим ей ничто в качестве первоначального значения нечто. Само это соответствие должно, скорее, истолковываться таким образом, что именно второе оказывается тем, что лежит в основе первого и выступает как его методическое содержание.

* Буквы α, β, γ и т. д. стоят в начале страниц рукописи. — *Примеч. пер.*